

Записка М. М. Сперанского «О монетном обращении»: к истории текста

Записка о монетном обращении является последней работой М. М. Сперанского. Она была подготовлена специально для представления в Государственный совет, рассматривавший с 1837 г. т. н. «дело о лаже», а фактически вопрос о финансовой реформе, результатом которой стало введение к 1843 г. металлического денежного обращения и стабилизация денежной системы. Дело в том, что важнейшей особенностью денежного обращения, мешавшей нормальному функционированию экономики, было множество постоянно менявшихся курсов ассигнационных денег по отношению к серебряной монете.

Ход рассмотрения этого дела был достаточно подробно изучен еще в дореволюционной историографии.¹ Общеизвестно, что записка Сперанского была одним из ключевых документов, обсуждавшихся в Совете, однако история ее создания оставалась за пределами внимания исследователей.

Записка является своеобразным итогом размышлений реформатора над проблемами денежного обращения. Ей предшествовали другие записки по этим вопросам, сохранившиеся в черновых и беловых вариантах, создававшиеся в 1830-х годах в ходе обсуждения мер по стабилизации финансового положения. В этом смысле записки имели сугубо практическое назначение. Эти документы отражали как участие Сперанского в принятии определенных решений, так и дискуссии, которые велись в правительственных кругах.

В бумагах Сперанского, хранящихся в РГИА, отложилось 17 черновых карандашных набросков записок по финансовой тематике, как законченных, так и сохранившихся во фрагментах². Три из них имеют даже название «О монетном обращении». Названия других более детально отражают проблематику, интересовавшую Сперанского: «О главнейших мнениях относительно монетной системы и мерах к установлению на ассигнации курса», «Об установлении постоянного курса ассигнационному и серебряному рублям», «О причинах установления простонародного курса», «О последствиях настоящего монетного обращения», «О неудобствах настоящего обращения серебряной и ассигнационной монеты» и т. д.

Для понимания истории записки «О монетном обращении» 1839 г. особое значение имеют две более ранние. Одна из них «О новых билетах государственного казначейства (их свойства и достоинства)» датирована 27 мая 1831 г. Несмотря на значительные внешние займы и заимствования из государственных кредитных установлений в 1830-1831 гг. правительство испытывало немалые финансовые трудности, обусловленные расходами на русско-турецкую и русско-персидскую войны, польским восстанием 1830-1831 гг., неурожаем и эпидемией холеры. В этих условиях министр финансов Е. Ф. Канкрин предложил выпустить билеты государственного казначейства (т. н. серии), представлявшие собой краткосрочный внутренний заем.

Записка Сперанского, направленная им в частном порядке Канкрину, была связана с подготовкой манифеста 13 июля 1831 г. о выпуске этих билетов. В полушутливом сопроводительном письме к министру финансов Сперанский писал: «Представляю вашему сиятельству мои бредни. Многое со стороны кажется возможным, что на деле невозможно, и если действительно бред, предаю их совершенно в Вашу волю. Если найдете в них что-нибудь путное – хорошо; если нет, то положите в тот ящик, в котором хранятся у вас все несбыточные проекты»³. В записке Сперанский выразил довольно

¹ См. напр.: Министерство финансов в 1802-1902 гг. Ч. 1. СПб., 1902. с. 238-250; Кашкаров М. Денежное обращение в России. Т. 1. СПб., 1898. С. 29-55.

² РГИА. Ф. 1251. Оп. 1. ч. 1. д. 217

³ ОР РНБ ф. 731, д. 272, л. 1.

скептическое отношение к предлагаемому Канкриным финансовому инструменту, считая его слишком сложным. По сути Сперанский высказался за введение новых бумажных денег – билетов, основанных на серебре, эта же идея была заложена в его записке «О монетном обращении» 1839 г.⁴

Другая записка «О средствах, могущих остановить возвышение ассигнаций» датирована 23 июня 1834 г. Попытки поднять курс ассигнаций вплоть до установления равенства их с серебряной монетой путем изъятия части ассигнаций из обращения, предпринимавшиеся с 1818 г. успехом не увенчались и с 1823 г. эта операция была прекращена. Количество ассигнаций (которыми осуществлялись казенные платежи) однако более правительством не увеличивалось, и спрос на деньги удовлетворялся за счет чеканки серебряной монеты. Одновременное хождение серебра и ассигнаций и постоянное изменение их ценности друг относительно друга привело, как уже говорилось, к употреблению в расчетах множества курсов – биржевого, казенного, таможенного и простонародного, т. е. к появлению т. н. простонародного лажа. Записка Сперанского, судя по всему, была составлена на следующий день после заседания Комитета финансов 22 июня 1834 г. В этот день комитет заседал в присутствии императора на Елагином острове. На заседании рассматривалась записка министра финансов Е. Ф. Канкрин, содержащая обзор предположений о приведении в порядок денежной системы. Эти предположения были представлены в Комитет финансов по высочайшему повелению. По итогам рассмотрения доклада Канкрин все эти предложения были отвергнуты, и император повелел продолжить поиск подходящих мер.⁵ К сожалению, самого текста журнала и текста записки Канкрин обнаружить не удалось.

Основные идеи Сперанского, высказанные в записке 1834 г., адресованной императору, сводились к следующему: «1) приостановить дальнейшее возвышение ассигнаций, 2) установить отношения их к серебру. Первое должно предшествовать второму, и доколе первое не будет сделано, нельзя конечно помыслить о втором»⁶. Предложив ряд конкретных мер по приостановлению возвышения курса ассигнаций, Сперанский, вместе с тем просил императора передать их на рассмотрение Канкрину. Эти идеи о стабилизации курса ассигнаций и установления их твердого отношения к серебряной монете, в целом соответствовали политике, проводившейся министром финансов, и получили развитие в записке Сперанского «О монетном обращении».

Подлинника записки «О монетном обращении», создававшейся в своем итоговом варианте в конце 1838 – начале 1839 года обнаружить, к сожалению, пока не удалось ни в материалах Государственного совета, ни в бумагах Сперанского, ни в делах Министерства финансов и Комитета финансов. Отметим, что сохранность фондов финансовых учреждений вообще оставляет желать лучшего. Среди черновики, имеющих в РГИА, однако есть фрагменты, прямо связанные с дошедшим до нас текстом и структурно, и текстуально. Это позволяет рассматривать их как части ранней редакции записки. В частности среди них имеются разделы и первой, наиболее пространной части документа, посвященной истории денежного обращения с момента введения ассигнаций, и второй части, содержащей анализ сложившейся ситуации и перечень мер по ее исправлению. Вот названия этих разделов: «Свойства ассигнаций», «История ассигнаций» «Последствия равенства ассигнаций с серебром», «Последствия падения ассигнаций», «О разности между ажио и лажем», «Последствия возвышения ассигнаций», «Сила вопроса», «Меры исправления», причем последний отрывок даже в двух вариантах. Часть из разделов уже на этом этапе получили нумерацию римскими цифрами, как и в итоговом варианте. В дальнейшем разделы менялись местами, менялась и их нумерация. Кроме того, черновики имеют многочисленные правки: фрагмент текста, например, мог быть написан, исправлен, в нем сделаны вставки на полях, затем весь перечеркнут и ниже написан заново с

⁴ ОР РНБ ф. 731, д. 272, л. 2-6.

⁵ РГИА ф. 563, оп. 2, д. 31, л. 10.

⁶ ОР РНБ ф. 731, оп. 1, д. 244, л. 1-4.

изменениями. Такой характер правок позволяет атрибутировать и итоговый текст записки именно Сперанскому. Акцентируя внимание на этом, казалось бы, очевидном выводе, мы учитываем характер рукописного наследия реформатора. Занимая многочисленные должности, Сперанский составлял и редактировал множество бумаг: журналы различных Комитетов, Государственного совета, где использовались чужие тексты, нуждавшиеся в правке, компиляции. При этом Сперанский часто переписывал их сам карандашом, делая в тексте небольшие исправления, что при недостаточном знании исторического и делопроизводственного контекста позволяет принять их за черновики записок, созданных самим реформатором.

Записка «О монетном обращении» публиковалась несколько раз. Впервые она была предоставлена А. Ф. Бычковым для публикации в 1872 г. в «Чтениях в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете», издававшихся под редакцией О. М. Бодянского⁷. Бычков был тогда помощником директора Императорской Публичной библиотеки, куда в 1857 г. дочерью был передан архив Сперанского. В 1873 г. записка была издана и отдельным оттиском. Публикация 1873 г. (даже с примечанием Бодянского) была воспроизведена в новейшее время⁸. Обстоятельства публикации 1872–1873 гг. неизвестны. Неясно, была ли она вызвана чисто академическими соображениями, либо интерес к записке можно связать с некоторой стабилизацией финансового положения и планами финансовой реформы, которые вынашивал тогдашний министр финансов М. Х. Рейтерн.

Зато публикация 1895 г. была осуществлена по инициативе министра финансов С. Ю. Витте во время подготовки финансовой реформы 1897 г., установившей золотой стандарт. Сперанский, как сторонник введения в качестве главного средства платежа серебряного рубля, а также бумажных денег, «основанных на серебре», выступал в данном случае союзником Витте⁹.

В фонде Сперанского в ОР РНБ¹⁰ имеется писарская копия, по которой, скорее всего, и осуществлялась публикация 1872 г. Эта копия имеет пометы секретаря Сперанского К. Г. Репинского. Сохранилась также писарская копия в фонде председателя Государственного совета князя И. В. Васильчикова¹¹.

Записка Сперанского имела два приложения: табель, в которой указан объем выпуска ассигнаций и изменения их курса по годам, а также приложение под литерой «А» «О различии и сходстве биржевого и простонародного счета в лаже». Табель упоминается во всех текстах записки, кроме ранних карандашных черновиков, но приложена только к публикации 1895 г. Приложение «А» упомянуто во всех поздних текстах, кроме публикации 1895 г., и имеется в публикациях 1872 и 1873 гг., а также при копии, хранящейся в архиве Васильчикова. В архиве Сперанского табели нет, но она составляет отдельную единицу хранения в фонде его секретаря Репинского.¹²

Сравнение опубликованных текстов и архивных списков записки, а также приложений позволяет утверждать, что речь идет о двух последовательных редакциях. Одна из них, более ранняя (назовем ее второй) представлена публикацией 1895 г., все остальные публикации и перечисленные копии относятся к поздней (третьей) редакции. Эти редакции отличаются как нюансами расположением материала в тексте (ряд соображений, содержащихся в основном тексте второй редакции, вынесены в третьей в подстрочные примечания и наоборот), так и составом мер по реформированию денежного

⁷ ЧОИДР. 1872. Кн. IV. Смесь. С. 140-178.

⁸ М. М. Сперанский. Руководство к познанию законов. СПб, 2002. С. 528-562.

⁹ Записка о монетном обращении графа Сперанского с замечаниями графа Канкрин. Печатано по распоряжению министра финансов. СПб., 1895. С. 5-37.

¹⁰ ОР РНБ, ф. 731, д. 774, л. 1-49.

¹¹ РГИА ф. 651, оп. 1. д. 233.

¹² ОР РНБ, ф. 637, д. 771.

обращения (это различие относится к заключительной части записки и имеет сущностный характер).

История создания записки может быть реконструирована следующим образом. 11 мая 1838 г. И. В. Васильчиков сообщил М. А. Корфу, что император передал ему для обсуждения в Государственном Совете записку князя К. Ф. Друцкого-Любецкого о мерах по устранению лажа с тем, чтобы ее рассмотрение было отложено до сентября¹³, однако дело затянулось, вниманию членов Совета была представлена также записка Н. С. Мордвинова, а затем мнение А. С. Грейга. А 11 января 1839 г. Корф сообщил и. д. статс-секретаря Совета А. А. Никитину, что император повелел членам Госсовета К. В. Несельроде, управляющему Морским министерством А. С. Меншикову, а также министрам государственных имуществ П. Д. Киселеву и юстиции Д. В. Дашкову присутствовать в Соединенных департаментах экономии и законов при рассмотрении дела о лаже¹⁴.

М. А. Корф писал, что в Госсовете дело о лаже было специально отложено до выздоровления тяжело заболевшего осенью 1838 г. Сперанского¹⁵. В январе 1839 г., едва оправившись от болезни, реформатор завершает работу над запиской и отправляет ее 23 января министру финансов Е. Ф. Канкрину. Под опубликованным по распоряжению Витте в 1895 г. текстом, хранившемся тогда в архиве Особенной канцелярии по кредитной части, стоит дата 22 января 1839 г. В сопроводительном письме Сперанского говорится: «По обещанию моему представляю Вашему сиятельству мысли мои о лаже; в них многое против прежнего дополнено и вновь придумано. Самое понятие о лаже изменилось благодаря Вашему ясному и точному изложению... Предаю все мысли мои в ближайшее Ваше усмотрение, быв готовым, как и всегда, согласиться с Вами во всем, что практический ум, опытность и верный взгляд Ваш на будущее представит Вам лучшего»¹⁶. Эти строки свидетельствуют о регулярном и доверительном общении, существовавшем между Канкриным и Сперанским по вопросам денежной политики, причем Сперанский очевидно признавал превосходство Канкринина как специалиста в финансовой сфере. О таком характере отношений свидетельствует и цитированная ранее записка Сперанского 1831 г. Сперанский также объяснял, что вводная обширная часть записки, посвященная истории российской денежной системы и корням ее проблем, предназначена не для министра финансов, но «для тех, кои считая себя великими знатоками в сем деле, не знают, однако ж и первых его оснований»¹⁷. Сперанский явно противопоставлял, министра финансов, которого относил к категории профессионалов, понимающих в деле толк, другим членам Совета – профанам. Уже после смерти Сперанского, в письме от 14 марта 1839 г. к Корфу Канкрин подтвердил, что отзыв на мнение покойного графа по делу о денежной реформе был «последствием» их «личного соглашения», «чтобы по общем обсуждении вопросов утвердиться на одном мнении – цель, которая по словесным бывшим тогда рассуждениям полагалась не весьма затруднительною, но по получении того мнения оказалась большая разность в мыслях, почему и сделал я на оное возражение». Эти возражения Канкрин просил довести до членов Департамента государственной экономии¹⁸.

23 января, т. е. в день отправки Сперанским своей записки Канкрину, М. А. Корф записал в дневнике: «Я был сегодня у графа Сперанского и истинно обрадовался положению, в котором его нашел... Он собирается выехать на днях первый раз к государю

¹³ РГИА, ф. 1152, оп. 2, 1837 г. д. 136, л. 53

¹⁴ Там же, л. 61

¹⁵ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 2. с. 358-359.

¹⁶ Записка о монетном обращении графа Сперанского с замечаниями графа Канкринина. С. 1-2.

¹⁷ Записка о монетном обращении графа Сперанского с замечаниями графа Канкринина. С. 1.

¹⁸ РГИА, ф. 1152, оп. 2, 1837 г. д. 136, л. 91; опубликовано без даты: Записка о монетном обращении графа Сперанского с замечаниями графа Канкринина. С. 59.

и принялся уже серьезно за дело, так что скоро надобно ожидать движения знаменитому делу о лаже»¹⁹.

На письме Сперанского Канкрин сделал помету, адресованную директору Особенной канцелярии по кредитной части Ф. П. Вронченко, что записку о монетном обращении «надобно читать вместе». Как отмечают публикаторы записки Сперанского и замечаний Канкринина, черновик этих замечаний был написан рукой Вронченко²⁰.

Канкрин направил их Сперанскому 7 февраля, т. е. в последний его рабочий день перед его смертельной болезнью. Об этом свидетельствует подлинник сопроводительного письма министра финансов²¹. Таким образом, возникает вопрос, прочитал ли Сперанский отзыв своего коллеги и успел ли на него отреагировать. Во всяком случае на уже цитированном письме Канкринина от 14 марта Корфу последний сделал помету карандашом: «Подлинный отзыв г. м-ра фин., отысканный в бумагах покойного графа, находится теперь у П. Д. Киселева»²².

В «Записках» Корф утверждает, что мнение Сперанского было подано 7 февраля 1839 г.²³, Сперанский же скончался 11 февраля. Таким образом, Сперанский продолжал работать над запиской до 7 февраля. Об этом свидетельствует и записка директора Департамента государственного казначейства А. Г. Кушелева-Безбородко, направленная 12 февраля 1839 г. И. В. Васильчикову: «В прошедший вторник покойный граф Михайло Михайлович Сперанский прислал ко мне проект о монетном обращении, прося сделать на оном мои примечания. Как тяжкая болезнь препятствовала мне лично вручить ему оные, то ныне по случаю его кончины обязанностью считаю подставить все сии бумаги Вашему сиятельству...»²⁴. Вторник приходился как раз на 7 февраля, т. е. теоретически Кушелев-Безбородко мог получить записку и до того, как Сперанский увидел письменные замечания Канкринина, и после того. 24 февраля Васильчиков направил Корфу записку Сперанского с примечаниями графа Кушелева и с сопроводительной запиской покойного директору Департамента государственного казначейства. На сопроводительной бумаге, адресованной Корфу Васильчиков сделал помету карандашом: «Примечания графа все на полях»²⁵. Таким образом, существовала записка Сперанского и с примечаниями графа А. Г. Кушелева-Безбородко. В фонде Васильчикова есть копия записки Сперанского с примечаниями, правда не на полях, а под строкой, причем перед каждым из них имеется приписка: «Примечание г. К.». Вышеизложенные обстоятельства вполне позволяют раскрыть сокращение «г. К.» как «граф Кушелев», тем более содержание этих примечаний свидетельствует о том, что их автор прекрасно разбирался в тонкостях финансового хозяйства империи.

Именно эта редакция записки совпадает с писарской копией из фонда Сперанского и с публикациями 1872 и 1873 гг., но отличается от редакции, опубликованной в 1895 г., на которую делал замечания Канкрин.

Сперанский предлагал меры по реформированию денежной системы осуществлять в определенном порядке. И в качестве первой меры он предлагал выпустить особые банковые кредитные билеты, основанные на действительном вкладе серебра, установив размен на серебро по первому требованию, причем первые выпуски «составить из серебра, поступающего в казначейство в виде податей». Вместе с тем, предлагалось «прием вкладов золотою и серебряною монетою, для обращения из процентов, во всех кредитных установлениях прекратить, а для возвращения вкладов серебряных и золотых, прежде поступивших, назначить срок с прекращением процентов». Эта мера вызвала

¹⁹ Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. М., 2010. С. 253.

²⁰ Записка о монетном обращении графа Сперанского с замечаниями графа Канкринина. С. 2.

²¹ РГИА, ф. 1152, оп. 2, 1837 г. д. 136, л. 88-89; опубликовано без даты: Записка о монетном обращении графа Сперанского с замечаниями графа Канкринина. С. 2-3.

²² РГИА, ф. 1152, оп. 2, 1837 г. д. 136, л. 91.

²³ Корф М. А. Записки. М., 2003. С. 91.

²⁴ РГИА, ф. 1152, оп. 2, 1837 г. д. 136, л. 87.

²⁵ РГИА, ф. 1152, оп. 2, 1837 г. д. 136, л. 86.

резкое возражение со стороны министра финансов, поскольку прекращение выплаты процентов привело бы, по мнению Канкрина к востребованию вкладов и лишило бы казну серебра. Можно, конечно счесть, что Сперанский сам понял последствия своего предложения, но скорее всего он успел ознакомиться 7 февраля с отзывом Канкрина и внести исправления в свой текст. Возможно, конечно, что записке министра финансов предшествовал какой-то устный разговор или другая переписка. Но так или иначе, в третьей редакции записки «О монетном обращении» указанное предложение относительно вкладов отсутствует, его нет ни в писарской копии из ОР РНБ, ни в публикациях 1872 и 1873 гг., ни в записке Сперанского из фонда Васильчикова с замечаниями Кушелева-Безбородко. При рассмотрении дела в Государственном совете возражение министра финансов, даже вызывало недоумение у читателей третьей редакции, очевидно не знавших о сделанных Сперанским переменах в тексте. На полях копии замечаний Канкрина, отложившейся в деле Госсовета, напротив его возражения о вкладах имеется карандашная помета неустановленного лица: «О сем распоряжении ни слова не упомянуто в проекте графа Сперанского»²⁶.

Итак, замечания Канкрина соответствовали той редакции записки, которая была ему направлена 23 января 1839 г. и опубликована в 1895 г. В Государственном совете рассматривалась третья редакция. Это видно из журнала Соединенных департаментов законов и государственной экономии, в котором излагались предложение Сперанского именно так, как они сформулированы в третьей редакции записки²⁷. Само наличие двух редакций, созданных с разницей в две недели, свидетельствует о высокой интенсивности законотворческого процесса на завершающем этапе подготовки дела к рассмотрению в Совете.

К записке «О монетном обращении» примыкает весьма тесно и записка «О лаже». Она в основной своей части (где собственно сформулированы предлагаемые меры) является краткой версией второй редакции записки о монетном обращении. Вместе с тем в ней присутствуют элементы из третьей редакции, однако они не имеют смыслообразующего значения. В частности, специально оговаривалась возможность платить новыми билетами долги кредитным установлениям. Во второй редакции в соответствующем месте речь идет о всех долгах вообще (не исключая, по смыслу, и долги кредитным установлениям). В то же время окончательный этап реформы изложен очень кратко и не похож по формулировкам ни на одну из редакций записки «О монетном обращении». Вместе с тем размер займа в 10 миллионов, предлагавшегося в записке Сперанским для выпуска новых билетов разменных на серебро, вызывает в памяти его же идею о выпуске новых кредитных билетов в 1831 г. Первый лист записки с изложением сути проблемы, текстологически в целом имеет независимый характер. Историческая часть в записке о лаже отсутствует. Таким образом установить место данного текста в общем эволюционном ряду записок, посвященных вопросу о лаже, а также назначение записки пока не представляется возможным. Считать ее первоначальным кратким вариантом мешает в частности указание Старцовым на копиях времени завершения работы над документом – за три дня до смерти Сперанского. Если, исходя из этой датировки, считать ее краткой переработкой последней редакции записки о монетном обращении, то возврат к формулировкам из второй редакции выглядит непоследовательно.

В осуществленном варианте реформы отразились меры, предлагавшиеся и Сперанским, и Канкриным. В журнале Соединенных департаментов отмечалось принципиальное сходство предложений Сперанского и Канкрина (к чему оба они изначально и стремились), и в частности общее понимание необходимости постепенного характера действий правительства²⁸. В редакции, опубликованной в 1895 г., Сперанский

²⁶ РГИА, ф. 1152, оп. 2, 1837 г. д. 136, л. 68 об.

²⁷ РГИА, ф. 1152, оп. 2, 1837 г. д. 136, л. 224.

²⁸ РГИА, ф. 1152, оп. 2, 1837 г. д. 136, л. 224 об.

предлагал на первом же этапе установить постоянное соотношение новых билетов (их соотношение с серебряным рублем было 1:1) и к ассигнациям, а именно сделать это соотношение равным действовавшему тогда казенному податному курсу ассигнаций на серебро, т. е. 3 р. 60 коп. ассигнациями за рубль новыми билетами. Канкрин вступил против идеи фиксированного курса, полагая, что биржевой курс будет меняться и таким образом лаж, с которым боролись власти, сохранится. Это возражение в замечаниях министра финансов помещено также в рамках разбора подготовительных мер, предложенных Сперанским. Однако Сперанский в целом сохранил свое мнение и в третьей редакции. Твердый неизменный курс ассигнаций был введен уже в 1839 г. По этому поводу Соединенные департаменты высказались определено: «курс должен быть назначен единожды навсегда и оставаться до изъятия нынешних ассигнаций постоянным, неизменным» и Канкрин признал в ходе дискуссии необходимость такой меры.²⁹ Правда, курс ассигнаций был в итоге определен в 3 р. 50 коп. (манифест 1 июля 1839 г.). Что же касается введения новых билетов, то сначала были введены депозитные билеты, основанные на реальных вкладах серебра (это была приуготовительная мера согласно записке Сперанского, с которой соглашался и Канкрин, Сперанский называл эти билеты сохранными). Позже были введены кредитные билеты с возможностью их размена на серебро, на них предстояло обменять прежние ассигнации. Хотя Сперанский, предлагал обменивать ассигнации на все те же сохранные билеты. Отметим, что в ходе обсуждения второго этапа реформы, император предлагал назвать новый финансовый инструмент «сохранными билетами», очевидно заимствовав термин у Сперанского³⁰. Но в итоге новые кредитные билеты первоначально были действительно кредитными, поскольку выдавались под залог имений, но с 1 ноября 1843 г. ими стали постепенно заменять ассигнации³¹.

Имеющиеся записки Сперанского по финансовым вопросам, в т. ч. самая обширная из них записка 1839 г., дают возможность реконструкции финансовых взглядов Сперанского в их динамике, позволяют проследить его роль в выработке тех или иных решений. Сохранившиеся в РГИА черновики записки 1839 г. позволяют однозначно атрибутировать ее авторство. История создания записки 1839 г. (как и записки 1831 г.) демонстрирует близость позиций и поиск путей сотрудничества между двумя крупными деятелями николаевского царствования, каковы были Канкрин и Сперанский. Похоже, что Сперанский видел во влиятельном министре финансов возможного союзника в реализации своих идей и представлял в ряде случаев свои соображения на его суд еще до внесения их официальным порядком. Хотя надо отметить, что их мнения по некоторым вопросам, в основном тактического характера, не всегда совпадали.

---

²⁹ РГИА, ф. 1152, оп. 2, 1837 г. д. 136, л. 224, 226.

³⁰ Министерство финансов в 1802-1902 гг. Ч. 1. СПб., 1902. с. 238. С. 262.

³¹ Там же. С. 253-254.